
СВЯЗЬ ВРЕМЕН

А. А. ТИХОМИРОВ

О ПОЛИТИКЕ И ПРАКТИКАХ ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ В ГДР: РЕАКЦИЯ НА СЕКРЕТНЫЙ ДОКЛАД ХРУЩЕВА «О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ»*

В статье анализируется историческая и идейно-политическая коллизия, возникшая по итогам закрытого заседания XX съезда КПСС, когда стратегия управления общественным мнением в процессе десталинизации в СССР и странах социалистического лагеря столкнулась с непредсказуемыми последствиями «утечек информации» о содержании секретного доклада Н. С. Хрущева, инициированных информированными о нем видными деятелями международного коммунистического движения. В итоге риторика десталинизации перешагнула дискурсивные границы партийного руководства СССР, дав старт публичным дискуссиям об И. В. Сталине и сталинизме на Западе. Внимание автора концентрируется на первоначальных (непосредственно в 1956 г.) последствиях развенчания культа Сталина в ГДР. Реакцией на это членов СЕПГ и общества в целом стали, с одной стороны, попытки любой ценой «поддержать имидж» прежнего вождя, а с другой – эскалация иконоборческих практик, наиболее ярко обнажившая кризис репрезентаций тоталитарной власти. Конец этим «либеральным тенденциям» положило Венгерское восстание осенью 1956 г., побудившее режим СЕПГ перейти к более жесткому контролю над публичным дискурсом и вновь приступить к репрессивной политике подавления инакомыслящих. Тем не менее дестали-

---

* Настоящее исследование основано на пятой главе о десталинизации в авторской монографии (Тихомиров 2014). Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (проект МК-1509.2014.6).

низация 1956 г. имела важный терапевтический эффект для послевоенного немецкого общества, позволила населению впервые нарушить предписанное государством молчание и открыто заговорить о наболевших проблемах. Официальная ревизия имиджа Сталина сделала возможным начало коллективной эмоциональной работы немцев с травматическим опытом депортаций, насилия и территориальных потерь.

Ключевые слова: *секретный доклад Хрущева, десталинизация, культ личности, ГДР, режим СЕПГ, кризис репрезентаций тоталитарной власти.*

Информацию о секретном докладе Н. С. Хрущева, зачитанном 25 февраля 1956 г. на закрытом заседании XX съезда КПСС, не удалось сохранить в тайне не только в Советском Союзе, но и за его пределами. В то время как ЦК КПСС, уже в первые мартовские дни столкнувшись с проблемой утечки данных, пытался выработать стратегию управления общественным мнением и взять под контроль участие населения в процессе десталинизации в самом СССР¹, отдельные инициативы лидеров стран социалистического блока лишь накаляли международную обстановку. Первый секретарь ЦК СЕПГ (Социалистической единой партии Германии) Вальтер Ульбрихт без согласования с Москвой опубликовал 4 марта 1956 г. на страницах газеты «Нойес Дойчланд» отчет об итогах XX съезда КПСС. Напрямую о докладе Хрущева в тексте ничего не сообщалось, но статья, в которой критиковался культ личности И. В. Сталина, отчетливо давала понять, что в Советском Союзе происходит смена политического курса. Эффект разорвавшейся бомбы вызвали слова Ульбрихта о том, что «Сталина нельзя относить к классикам марксизма» (Ulbricht 1956: 4). В инициативе Ульбрихта риторика десталинизации впервые перешагнула дискурсивные границы СССР, дав старт публичным дискуссиям о Сталине и сталинизме на Западе.

Обратимся к предыстории вопроса. В. Ульбрихт, возглавлявший немецкую делегацию на XX съезде КПСС, одним из первых иностранных гостей был проинформирован о докладе Хрущева. Известно, что представителей социалистических государств не

---

¹ О десталинизации в СССР см.: Аксютин 2010; Filtzer 1993; Zubkova 1998: 178–190; Jones 2003; 2009; Loewenstein 2006).

пригласили на закрытое заседание 25 февраля 1956 г. Наиболее распространенной является версия, что Ульбрихт наряду с другими главами делегаций «стран народной демократии» был ознакомлен с содержанием речи Хрущева спустя несколько дней – 27 февраля. Текст доклада вручался для прочтения избранному кругу лиц иностранных делегаций через отдел ЦК КПСС по связям с иностранными и коммунистическими партиями и подлежал обязательному возврату «до отъезда указанных товарищей из Москвы»². Среди немецких делегатов только В. Ульбрихту было доверено прочитать речь Хрущева. В то же время распространялись слухи, что один из посланников советского партаппарата в ночь с 25 на 26 февраля после завершения работы съезда в частном порядке зачитал представителям СЕПГ доклад Хрущева на немецком языке. При этом кто-то из членов делегации якобы делал записи, которые и попали в Берлин (Foitzik 1995: 68).

Показателен в данном случае тот факт, что В. Ульбрихт первым из лидеров социалистических стран решил во всеуслышание дистанцироваться от персоны Сталина. Чем была вызвана столь кардинальная смена его взглядов? Какие факторы повлияли на изменение риторики и поведения «Сталина советской зоны» (прозвище Ульбрихта в народе)? Истинные мотивы Ульбрихта, побудившие его к публикации статьи, неизвестны. Однако можно предположить, что, обладая тонким политическим чутьем и понимая важность московского протектората для стабильности восточногерманской государственности, Ульбрихт не раздумывая, можно сказать, автоматически, перенимает риторику десталинизации, пытается приспособиться к новой ситуации и заручиться покровительством нового советского лидера – Никиты Хрущева. Другой очевидной причиной являлся страх перед угрозой народного восстания по аналогии с июньскими волнениями 1953 г. Тем самым Ульбрихт начал «профилактический» дискурс десакрализации Сталина, решив подготовить восточногерманское общество к более открытой информации о преступлениях сталинизма, проникновение которой в ГДР ожидалось со дня на день из Западной Германии.

---

² Список руководителей зарубежных коммунистических партий, ознакомленных с постановлением XX съезда КПСС и докладом т. Хрущева о культе личности и его последствиях от 27 февраля 1956 г., см.: Доклад... 2002: 252–253.

И, наконец, первая в блоке социалистических государств публичная критика Сталина из уст Ульбрихта являлась попыткой дистанцироваться от политического стиля сталинизма, приписав все ошибки, промахи и перегибы в сталинизации Восточной Германии внешнему советскому давлению и лично «лучшему другу немецкого народа», как до 1956 г. именовали Сталина. Ульбрихт был чрезвычайно обеспокоен возможностью проведения очевидных параллелей между советской и восточногерманской политикой культа личности, грозивших обернуться полной дискредитацией режима СЕПГ. Он опасался выплеска народной мести местным партийным и государственным лидерам за радикальную советизацию в ГДР, что фактически и произошло в последующих практиках десталинизации.

Став «первой ласточкой» десталинизации в Восточной Германии, отчет Ульбрихта о XX съезде КПСС положил начало процессу официального пересмотра имиджа Сталина за пределами Советского Союза. Первые реакции последовали незамедлительно. Их проявления среди членов КПГ (Коммунистической партии Германии) в Западной Германии и СЕПГ в ГДР можно описать в терминах «шок», «оцепенение» и «сопротивление десталинизации». Например, в земельном правлении КПГ Рейнланд-Пфальц после публикации отчета Ульбрихта в качестве знака протеста был вывешен портрет Сталина, украшенный лентами и цветами³. О защите предметов и ритуалов культа советского лидера вспоминал участник Третьей конференции делегатов округов СЕПГ в городе Галле (9–11 марта 1956 г.): «По прибытии на конференцию мы увидели, что бюст товарища Сталина стоял в полуоткрытом шкафу рядом с тремя грязными чашками от чая или кофе. Так не годится... Я придерживаюсь того мнения, что позиция товарищей на XX съезде явилась здоровой критикой в адрес ЦК КПСС в связи с игнорированием ленинских принципов коллективного управления. Но это не должно вести к тому, что бюст товарища Сталина можно ставить рядом с грязной посудой» (цит. по: Klein 1995: 115). Подобные казусы в первые мартовские дни наблюдались повсеместно и были

---

³ Из записи беседы советника посольства СССР в ГДР В. И. Кочемасова с Первым секретарем ЦК КП Германии М. Рейманом 14 марта 1956 г. об откликах в Западной Германии на XX съезд КПСС (Доклад... 2002: 634).

вызваны отсутствием централизованного управления дискурсом десталинизации. Как отмечает немецкий историк А. Кляйн, о речи Хрущева «еще не разрешено было знать», так как «само Политбюро СЕПГ хлопотало в эти недели о получении текста доклада из Москвы» (Klein 1995: 114).

Повальная перепечатка статьи В. Ульбрихта в западной печати привела к росту слухов и догадок о том, что же такое важное произошло в Москве, что заставило Ульбрихта в одночасье перейти от сталинистской к антисталинской риторике. Резкое изменение публичных высказываний Ульбрихта стало более ясным после придания огласке секретного доклада Хрущева в ГДР⁴. 17 марта 1956 г. в печати Западного Берлина появились сообщения о критике культа личности Сталина на XX съезде КПСС. Информация молниеносно перекинулась на Восточный Берлин. В этот же день Ульбрихт попал в щекотливую ситуацию на партийной конференции делегатов земельных округов, участники которой засыпали его вопросами о событиях в Москве, причинах смены официального языка и новых нормативных оценках личности Сталина. Стремясь взять под контроль дискурс десталинизации и остановить распространение слухов, на следующий день, 18 марта 1956 г., «Нойес Дойчланд» публикует новую статью Ульбрихта, в которой он более подробно прокомментировал «вопрос Сталина» (Antwort... 1956).

На этот раз Ульбрихт более детально остановился на «ошибках» Сталина: режим единоличной власти, поощрение культа личности и произвол, который выражался в отсутствии созывов партийных съездов, крайне редких заседаниях Политбюро и ЦК КПСС. В этой же статье Ульбрихт сообщил, что Сталин не являлся автором «Краткого курса истории ВКП(б)». По сути, десакрализируя роль Сталина как «верного ученика и последователя дела Ленина», «одного из классиков марксизма-ленинизма», «гениального полководца и организатора победы над фашизмом» (Хрущев 1989: 57, 89, 103), она положила начало деконструкции «мифа о вожде». В статье от 18 марта Ульбрихт вместе с тем пытался впервые смягчить и установить границы дискурса десталинизации. Так, первый секретарь партии сообщал, что члены СЕПГ не освобождаются от

---

⁴ О каналах проникновения секретного доклада Хрущева на Запад см.: Прокуменщиков 2002.

обязанности изучать произведения «вождя»: «Критика в адрес Сталина не означает, что все, что он написал, является ложным, а его труды не стоит использовать. Этого никто не сказал. В настоящее время Сталин занял место, соответствующее его роли и деятельности, а не то место, которое ему отводилось культом личности. Это и есть реальное положение вещей» (Antwort... 1956).

Статья не успокоила ни членов СЕПГ, ни население ГДР в целом. Рост слухов и новый шквал вопросов в адрес ЦК СЕПГ создавали ощущение, что ситуация вышла из-под контроля и требует оперативных антикризисных мер. В данных обстоятельствах В. Ульбрихт обращается с личной телеграммой к Н. С. Хрущеву. В ней он просит разрешить ему «самостоятельные действия» с целью разъяснения ситуации населению, не дожидаясь указаний из Москвы (Telegramm... 1990). Руководители ГДР больше не могли откладывать решение «вопроса Сталина», так как население все более стремительно втягивалось в западный дискурс десталинизации. Популярная риторика и практики десталинизации опережали официальные версии новых оценок прежнего советского лидера.

Прежде чем проводить пропагандистскую работу среди населения, самим членам ЦК СЕПГ предстояло выработать единую оценку личности Сталина и установить модальности ревизии «культы личности» для населения. Этой цели была посвящена XXVI конференция ЦК СЕПГ, состоявшаяся 22 марта 1956 г., накануне Третьей партийной конференции. С одной стороны, поводами для встречи стали получение текста хрущевского доклада и официальное разрешение Москвы ознакомить с ним членов партии. С другой стороны, причиной заседания стал широкий общественный резонанс, стихийность которого заставила политическую элиту всерьез задуматься об установлении новых границ интерпретации сталинских ошибок. Протоколы заседания свидетельствуют о состоянии шока, в который была повергнута политическая элита ГДР после ознакомления с секретными материалами из Москвы. В унисон участники артикулировали растерянность, потерю ориентиров и страх перед будущим: «до сегодняшнего дня я не могу еще понять произошедшее»; «для всех нас это потрясающая новость»; «действительно очень сложно определить свое отношение к происходящему»; «что же теперь будет дальше?» (Protokoll 26... 1956: 64, 70, 78).

Разрушение нимба сакральности персоны Сталина повергло руководящее звено СЕПГ в мировоззренческий кризис. Пауль Вендель признавался перед коллегами в драматизме сложившейся ситуации для партии: «...всем членам партии очень тяжело видеть разрушение того, что ковалось десятилетия. Глубокое потрясение, прискорбное и полное боли потрясение среди нас, которое даже не может сравниться с тем, что происходит сейчас с молодежью» (Protokoll 26... 1956: 78). Курт Хагер высказывался следующим образом: «Кого из нас не затронуло данное событие? В конце концов, мы уже несколько десятилетий в партии, многие из нас выросли на трудах Сталина. Мы преклонялись перед Сталиным <...> Без сомнения, это тяжелое потрясение и для молодых, и для старых» (*Ibid.*: 96). Для членов ЦК СЕПГ, искренне веривших в сталинские идеалы, пересмотр образа «вождя» означал кризис личной идентичности. Гнев членов ЦК СЕПГ вызвало отсутствие централизованной информации о докладе Хрущева как со стороны ЦК КПСС, так и со стороны Политбюро ЦК СЕПГ. Самолюбие работников ЦК было уязвлено тем обстоятельством, что даже высшим партийным аппаратчикам пришлось узнавать о критике культа Сталина из западной печати⁵. Курт Хагер лично признавался в чтении статей в газетах «Дейли Уоркер» и «Нойе Цюрихер Цайтунг» (*Ibid.*: 95).

Вопросы управления дискурсом десталинизации и контроль над распространенными мнениями среди населения оказались в центре дискуссий партийной элиты. «Члены партии будут информированы и все будет в порядке», – спешил успокоить и сузить круг обсуждаемых вопросов В. Ульбрихт (*Ibid.*: 137). Однако прочих членов ЦК СЕПГ такие отговорки не устраивали. Они настаивали на прояснении вопросов: «Как объяснять происходящее другим и в каких рамках критиковать личность Сталина?», «Стоит ли продолжать изучать труды Сталина и “Краткий курс истории ВКП(б)”?». Если участники прений единодушно сошлись во мнении о возможности частичного ознакомления с текстом доклада избранной части партийцев, то целесообразность ознакомления

---

⁵ Несмотря на гриф секретности материалов съезда, полный текст доклада был опубликован в начале июня 1956 г. в США. Главную роль в процессе распространения его содержания сыграли западные радиостанции “Radio Free Europe” и “The Voice of America”.

масс с речью Хрущева подверглась сомнению. Так, Отто Бухвиц настаивал на полном сокрытии информации: «Есть вещи, которые мы в интересах партии и дальнейшей работы должны в нас самих запретить» (Protokoll 26... 1956: 70). Однако большинство членов ЦК СЕПГ понимали, что ГДР переполнена слухами и поэтому «иногда немного правды лучше сплетен» (*Ibid.*).

Банальным результатом партийной конференции стало решение об ориентировании внутривнутрипартийных дискуссий на уже опубликованные материалы о XX съезде КПСС, а также избирательном ознакомлении членов партии с секретной речью Хрущева. По аналогии с советским сценарием хрущевский текст «О культе личности и его последствиях» был зачитан на заключительном заседании Третьей партийной конференции СЕПГ 30 марта 1956 г. Другим результатом заседания членов ЦК СЕПГ стало решение о борьбе с явлениями культа личности и необходимости усиления принципов коллективного управления в рядах СЕПГ. В лучших традициях самокритики члены ЦК каялись в причастности к культу Сталина в Восточной Германии. Пауль Вендель раскаивался перед коллегами: «...также у нас был культ личности. Мы должны откровенно признать, что подобные тенденции у нас наблюдались. Дело не в том, что отдельные личности восхвалялись, что слишком много развешивалось портретов. Дело в том, что Советскому Союзу и всему международному рабочему движению был причинен значительный вред в связи с нарушением принципа коллективного управления, его недооценкой и игнорированием» (III. Parteikonferenz... 1965: 78). Вендель предлагал «серьезно подумать» о сокращении роли Политбюро и усилении голоса ЦК СЕПГ в механизмах выработки и принятия решений. Курт Хагер также откровенно признавался, что «явления культа личности в прошедшие годы нашли распространение и у нас. У нас распространялись такие же произведения литературы и искусства о Сталине, как и в СССР. Мы сами способствовали их тиражированию» (*Ibid.*: 64).

Дилемма между доверием и недоверием к ЦК СЕПГ определяла в эти дни реакцию рядовых членов партии. Отсутствие достаточной (даже внутренней) информации для интерпретации событий подпитывало подозрение в замалчивании и намеренном утаивании

фактов со стороны партийного руководства⁶. Многие говорили о чувствах разочарования и унижения в связи с необходимостью обращаться к чтению западной прессы и прослушиванию западного радио, откровенность которых противопоставлялась молчанию Политбюро ЦК СЕПГ. Руководители региональных партийных ячеек обращались в центр с просьбой официального опровержения всех кривотолков о Сталине. Примерами типичных вопросов, требовавших прояснения обстановки, стали такие обращения партийцев к докладчикам из ЦК СЕПГ: «Почему Сталин не принадлежит к классикам марксизма-ленинизма и что он сделал неверно?» (Stimmung... 1956: 24); «Непонятно, почему Сталин не причисляется больше к классикам, все-таки он написал многочисленные труды по марксизму, принес клятву верности товарищу Ленину и продолжил его работу» (*Ibid.*: 21).

Ветераны СЕПГ и бывшие члены КПГ особенно остро чувствовали необходимость в защите «вождя»: «Я не могу примириться с тем, что Сталин совершил подобные ошибки»; «Невероятно, что в настоящее время политика Сталина так оклеветана»; «Сталин не делал ошибок, все было инсценировано его последователями»; «Товарищ Сталин имеет настолько высокие заслуги, что его нельзя в чем-либо упрекнуть» (Information... n.d.: 21). На собрании в Галле один из партийных ветеранов при завершении своего выступления демонстративно выкрикнул лозунг «Да здравствует Сталин!» (*Ibid.*). Настоящие примеры показывают реакцию сопротивления десталинизации. Инерция властного дискурса эпохи сталинизма поддерживалась отсутствием четкой партийной линии, новых правил риторики и поведения для рядовых членов партии.

Одновременно в СЕПГ наблюдалась реакция поддержки и активного включения в процесс десталинизации: от отказа изучать произведения Сталина до выхода из партии и массовых организаций (Neue... 1956: 41). Дискурс десталинизации позволил членам партии почувствовать себя настолько свободно, что они приступи-

---

⁶ Неудовлетворенность официальными объяснениями отметил один из делегатов в городе Магдебурге на земельной партийной конференции в апреле 1956 г. После официальной части заседания, во время перерыва, он высказал возмущение в кругу своих коллег: «Товарищ Отто Шон своим изложением нам ничего не прояснил. Мы в конце концов желаем знать обоснование критики Сталина на XX съезде». См.: Neue... 1956: 41.

ли к нарушению установленных ранее риторических табу: публичному сравнению Сталина с Гитлером. Так, инструктор окружного правления СЕПГ в Грайфсвальде провел параллели в политике обоих диктаторов: «Сталин применил точно такую же модель установления диктатуры, как и Гитлер в Третьем рейхе. Как и Гитлер, Сталин назначал на высшие руководящие посты своих друзей» (BStU... n.d.: 159). В отчетах Штази подобные случаи назывались «особо негативными явлениями». Однако в условиях дискурсивного паралича Штази не знала, как реагировать на подобные нарушения и деконструкцию сакрального нарратива о Сталине. Репрессивная машина государства временно приостановила преследование крамольных настроений в обществе.

Столь радикальные нарушения партийно-государственной риторики стали яркими показателями сбоя в дискурсивном порядке официальных публичных сфер. Массовой реакцией на очевидный отход от ритуальных правил и норм поведения стало, по признанию многих членов партии, непонимание, как себя вести и что говорить в дискуссиях с товарищами. Для большинства членов партии новая риторика, в частности понятие «коллективное руководство», являлась пустым звуком. Мало кто знал, как ее понимать, использовать и интерпретировать. Этим объясняется большое количество запросов в ЦК СЕПГ с просьбой разъяснить ситуацию со Сталиным, с одной стороны, и рост требований повременить с дискуссиями и отказаться от участия в них – с другой. В сложившейся ситуации партийный секретарь электротехнического предприятия города Эрфурта с удовлетворением сообщал о решении прекратить все дискуссии до тех пор, пока немецкая делегация не вернется из Москвы с конкретными документами. Он подчеркивал бессмысленность разговоров, так как отсутствует единая линия партии в оценке работы и личности Сталина (Neue... 1956: 40–41). Данные настроения свидетельствуют о ключевой роли официального языка государства и партии, который использовался для конструирования идентичностей и утверждения политического порядка в ГДР.

Вынужденное безмолвие руководства партии обернулось реакцией гнева и раздражения. Процесс десталинизации лишил аппаратчиков главного ресурса их политической силы и активности – ритуального языка, используя который они действовали в политическом поле и участвовали в социальных сетях, организовывали повсе-

дневность и устанавливали иерархии. Паралич официального дискурса заставил их публично безмолвствовать и бездействовать на фоне роста протеста среди прочего населения. Как следствие, настроениями тоски по сталинскому стилю наведения порядка пропитана одна из сводок, завершающаяся словами: «Это необъяснимое и нездоровое положение, что какие-либо политические события могут дискутироваться прежде, чем поступят соответствующие распоряжения сверху. Если кто-нибудь до XX съезда в какой-либо форме подверг бы сомнению сталинскую теорию, то эти настроения тотчас были бы сведены к нулю» (*Stimmung zur Veröffentlichung...* 1956: 25).

Страх быть наказанным за лишнее слово – другая доминирующая эмоция в дискурсе десталинизации. Как правило, рядовые члены партии с тревогой принимали поток критической информации о Сталине и реагировали на него. Не зная, каким образом власть будет реагировать на крамольные высказывания, они испытывали страх перед угрозой преследования, а потому предпочитали отмалчиваться. Данные опасения читаются в высказывании служащего из Ростка, который в разговоре с коллегами признавался: «Необходимо подождать, какие дополнения последуют в вопросе культа личности, чтобы не наколотся в дискуссии. Лучше молчать. Другие должны сболтнуть что-нибудь лишнее» (*Ibid.*: 41). Атмосферой страха было пропитано заседание конференции партийных функционеров в Цойленроде округа Гера. Боясь проронить ненужное слово, никто из присутствовавших не решился принять участие в дискуссии по вопросу о культе личности, предпочтя молчание риску (*Stimmung zum XX...* 1956: 60). Таким образом, реакция на десталинизацию в рядах СЕПГ показывает, что она далеко не всегда воспринималась как сигнал к освобождению из «дискурсивной тюрьмы» (М. Сабров) сталинизма. Рядовые члены партии очень настороженно относились к изменению дискурса о Сталине, так как воспоминания о волне чисток и репрессий начала 1950-х гг. были свежи. Как следствие, в партии доминировали реакции бездействия и пассивности, выжидательная позиция и тактика молчания в официальных публичных сферах диктатуры, внутри которых возможность контроля над умами и настроениями, в особенности среди членов СЕПГ, была по-прежнему высока.

Тем не менее дискуссии в партии продолжались и вскоре привели к постановке вопросов о природе культа личности, формах и проявлениях данного феномена не только в восточногерманской, но и в целом в немецкой политической культуре. Так, один из членов партии усматривал истоки вождизма в организационной философии «большевистской партии нового типа»: «После смерти Ленина, которого народ очень любил, возникла необходимость поставить на вершину государства и партии нового лидера, который смог бы аккумулировать народную любовь. Им стал Сталин» (BStU... n.d.: 67). В другом случае отмечалась «немецкая предрасположенность» к культу государственных лидеров. Так, члены СЕПГ в Академии наук рассуждали о связи культа личности с особенностями характера немецкого народа: «Немцы очень склонны к культу личности. Также ЦК СЕПГ содействовал становлению культа личности, знал о различных проявлениях незаконности и поневоле потакал несправедливости. Пришло время, когда наш первый секретарь Вальтер Ульбрихт сможет извлечь уроки из XX съезда» (Hetze... 1956: 102).

Именно Ульбрихт стал мишенью для выброса внутрипартийного недовольства и проекционным полем всех политических ошибок. Члены партии говорили о чувстве стыда за *такого* руководителя СЕПГ, так как им приходилось ежедневно сталкиваться с выражением нелюбви и ненависти, с кривотолками и оскорблениями в адрес Ульбрихта со стороны населения (Feindpropaganda zum XX... 1956: 67–70). Как следствие, в рядах партии зазвучали призывы к смещению Ульбрихта и поиску нового лидера (*Ibid.*). Вскоре критика перекинулась на прочих руководителей ГДР. Во время собраний рядовые партийцы приписывали членам ЦК и Политбюро СЕПГ ответственность за трансфер и пропаганду культа Сталина: «Кто насаждал нам Сталина как умного руководителя? Это было Политбюро, все члены которого вышли из Советского Союза. Во всех речах Ульбрихт и Гротеволь рисовали его как великого человека. А теперь наше Политбюро не способно даже к самокритике» (Hetze... 1956: 103). Член партии из Лейпцигского округа указывал на единые корни советского и восточногерманского политических режимов, а также на вовлеченность лидеров ГДР в преступления эпохи сталинизма: «Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт и многие другие были в СССР в эмиграции, когда Сталин совершал ошибки.

Эти недочеты они должны были бы заметить ранее. Критика ошибок Сталина является одновременно критикой наших товарищей» (Hetz... 1956: 104). Член партии округа Галле усматривала в действиях Политбюро ЦК СЕПГ лишь попытку отговориться и найти «козла отпущения», списать все совершенные ошибки на «мертвого человека» (BStU... n.d.: 79).

Дискуссии велись не только в рядах СЕПГ. Публикация Ульбрихта от 4 марта 1956 г. взбудоражила все восточногерманское общество. Специфика восточногерманского варианта ревизии образа советского руководителя заключалась, по словам корреспондента газеты «Правда» М. В. Подключникова, в отсутствии «психологической подготовки» немцев к решениям XX съезда КПСС (Информационное... 2002: 629). Если в Советском Союзе пересмотр сталинского политического курса можно было наблюдать сразу же после смерти вождя⁷, то в ГДР в это время наблюдался, наоборот, расцвет культа Сталина. 8 мая 1953 г. местечко Фюрстенберг-на-Одере было переименовано в Сталинштадт. В 1955 г. в Бабельсберге в доме, в котором проживал советский лидер во время Потсдамской конференции, был открыт музей. Данный объект был внесен в список важнейших достопримечательностей ГДР под названием «Дом Сталина». Кроме того, был продолжен курс сталинизации публичного пространства: открывались новые памятники и бюсты советского лидера, имя вождя присваивалось улицам и площадям, предприятиям и учебным заведениям. Вплоть до секретного доклада Хрущева авторитет Сталина не мог быть подвергнут сомнению публично. Еще в феврале 1956 г., накануне XX съезда КПСС, социалистическая печать в ГДР активно использовала риторiku культа личности для восхваления вождя (Из сопроводи-

---

⁷ Новый курс КПСС обернулся первыми сигналами критики в отношении локальных культов партийных руководителей на периферии советской империи. Осуждению Москвы подвергся генеральный секретарь Коммунистической партии Болгарии Вьлко Червенков. Он обвинялся в утверждении собственного культа личности, выразившегося в чрезмерном восхвалении в печати, на собраниях и повсеместном распространении его изображений. По инициативе ЦК КПСС был рассмотрен вопрос о разделении постов председателя Совета министра и руководителя партии, занимаемых Болеславом Берутом в Польше. Во время мартовского визита в Москву в 1953 г. резкой критике подверглась политика Матяша Ракоши. Чутко реагируя на московские сигналы, Политбюро ЦК СЕПГ приостановило подготовку дня рождения Ульбрихта и начало проверку готовящейся к выпуску печатной продукции о немецком руководителе (см.: Волокитина 2002: 853–854, 876; Hegedüs, Wilke 2000: 48).

тельного... 2002: 706). Поэтому неудивительно, что для многих современников инициированная в Москве ревизия официального знания о советском руководителе вызвала как минимум состояние растерянности и замешательства.

Согласно официальным сводкам о настроениях населения, наиболее резко и негативно на заявление Ульбрихта отреагировала молодежь. В неожиданном отказе от культа Сталина вчерашнее «поколение Гитлерюгенд» усматривало новое предательство властей, так как в очередной раз режим СЕПГ требовал отрешения от мифов и ритуалов «советского фюрера» по аналогии с культом Гитлера после войны. Поэтому заявления Ульбрихта вызвали волну протеста в молодежных массовых организациях и учебных заведениях. Как правило, защита советского лидера оборачивалась резкой критикой восточногерманского руководства. Например, группа старших школьников в городе Заальфельде округа Эрфурт выражала возмущение необоснованным очернительством «лучшего друга немецкого народа»: «Это же просто свинство, что в настоящее время Сталина представляют исключительно плохим для того, чтобы выставить других членов партии в лучшем свете» (Neue... 1956: 43). Старшеклассники города Эрфурта обращались с коллективным письмом в окружное управление СЕПГ, в котором осуждали практику снятия портретов вождя. Школьники из Гольцова округа Зелов/Франкфурт даже оправдывали репрессивную политику Сталина тем аргументом, что революцию можно делать лишь с применением оружия и насилия, то есть с принесением жертв на алтарь коммунизма. Они потребовали от директора учебного заведения подробного объяснения решений XX съезда и реабилитации имени Сталина (Hetze... 1956: 43).

Аналогичное сопротивление десталинизации присутствовало в высказываниях людей, интегрированных в структуры и институты власти. Представители государственных учреждений, политических партий, массовых организаций продолжали артикулировать язык государства пропаганды и защищать прежний образ вождя. Например, учитель берлинского района Лихтенберг в ответ на слова Ульбрихта заявил: «По моему мнению, Сталин сделал очень много полезного, и я хотел здесь вспомнить лишь Вторую мировую войну. Считаю абсолютно справедливым, что он за свои заслуги был почитаем людьми, и это нельзя назвать культом личности. Ес-

ли сегодня утверждается, что Сталин возвысил себя над партией, то это не является его виной. Это вина всего партийного руководства» (BStU... n.d.: 80). Служащий из Цвикау продолжал называть Сталина «очень умным военным предводителем» (*Ibid.*: 129). А врач из Торгау в беседе с учителем защищал вождя в роли классика марксизма-ленинизма, называя неправильным отказ от его научных теорий (*Ibid.*: 56).

Мартовская статья В. Ульбрихта, как уже можно было заметить из предыдущих примеров, оказалась в центре дискуссий на собраниях рабочих коллективов. Например, педагогический состав Высшей школы экономики и планирования в Дрездене единогласно принял резолюцию с опровержением статьи Ульбрихта. Собравшиеся постановили, во-первых, по-прежнему считать Сталина классиком марксизма-ленинизма, так как все его труды прошли процедуру одобрения в ЦК КПСС; во-вторых, отказаться от огульных обвинений и перечеркивания всех заслуг советского лидера; в-третьих, повременить с дискуссиями до «нормализации обстановки» (*Stimmung zum XX...* 1956: 60). Массовые организации выступали с призывом приостановить все обсуждения столь щекотливого для политической культуры Восточной Германии вопроса. Так, руководство Общества германо-советской дружбы высказалось о бессмысленности публичных дискуссий об ошибках Сталина, которые «оборачиваются лишь нарушениями общественного порядка» (BStU... n.d.: 117).

Сбои в дискурсивном порядке политического режима приводили к постановке вопросов о том, каким языком и какими категориями стоит описывать и характеризовать Сталина: «Можно ли называть Сталина классиком? Считать ли его великим полководцем и верным учеником Ленина?» (*Neue...* 1956: 22). Резкая смена официальной риторики вызывала реакции недоумения, как, например, в словах фотографа из Гревесмюлена: «Все эти годы Сталин был спасителем человечества, гениальным последователем идей Ленина, нашим идеалом. И за один раз все это стерто. Это для меня необъяснимо. Что же происходит?» (BStU... n.d.: 152).

Именно этот вопрос волновал все восточногерманское общество. На фоне отсутствия ясной линии партии по управлению курсом десталинизации члены массовых организаций пытались самостоятельно интерпретировать происходящее. В округе Кёнигс-

Вустерхаузен в результате дискуссий об итогах XX съезда КПСС члены ССНМ (Союза свободной немецкой молодежи) постановили, «что марксизм не является догмой, а товарищ Сталин ошибался в характеристике мирового развития» (BStU... n.d.: 70). В Магдебурге представители ССНМ подняли на собрании вопрос о том, стоит ли считать Сталина таким же врагом партии, как и Берию, который поставил себя выше принципов коллективного руководства (*Stimmung zur Veröffentlichung...* 1956: 23). На одном из собраний молодежи были проведены прямые параллели культа Сталина с культом Ульбрихта. Как следствие, были озвучены требования ухода В. Ульбрихта с поста Первого секретаря ЦК СЕПГ, так как он являлся главным проводником сталинской политики в ГДР (BStU... n.d.: 21).

Сводки о настроениях населения документируют не только смуту и разброд мнений. Проанализированные мной документы демонстрируют качественно новый характер публичной риторики: дискуссии стали более «острыми», «открытыми» и «свободными». Источники рассказывают нам о высказываниях мужчин и женщин, членов партий и беспартийных, представителей различных профессий и вероисповеданий, в риторике и поведении которых отсутствовал страх перед нарушением установленных ранее дискурсивных табу. Впервые отмечалось, что молодежь открыто дискутировала на улице, разговаривала о преимуществах жизни на Западе и высмеивала антисталинскую кампанию (*Anti-Stalin-Kurs* 1956). Повсеместно обсуждались и поднимались вопросы о необходимости освобождения политических заключенных (*Ibid.*). Один из чиновников округа Потсдам, исключенный в период чисток из СЕПГ, заявлял, что «впервые можно открыто критиковать работу Сталина и само время доказало, что Сталин был диктатором» (BStU... n.d.: 43).

Открытое нарушение установленных диктатурой риторических табу ощущалось сильнее всего в крупных промышленных центрах. Рабочие предприятий Вильдау не стеснялись называть советского лидера «диктатором» и «советским Гитлером», спрашивая друг друга, есть ли западные газеты с разоблачающими материалами (*Informationsbericht...* 1956: 73). Домохозяйка из округа Кёнигс-Вустерхаузен в разговоре с подружкой называла Сталина преступником, заслуживающим самого сурового наказания (BStU... n.d.: 70). Публичное использование терминов «диктатор», «враг», «преступ-

ник» при характеристике Сталина стало индикатором серьезных сдвигов в дискурсивном порядке Восточной Германии. Новая риторика описания вождя вступала в конкуренцию с нормативным языком пропаганды, указывая на дихотомический раскол имиджа Сталина и активирование негативных стереотипов восприятия советского лидера из времен Веймарской республики и Третьего рейха. Одна из женщин в Панкоу утверждала, что у немцев давно было «плохое мнение» о Сталине, которое им, однако, было запрещено публично выражать в ГДР (*Stimmung zur Veröffentlichung... 1956: 25*).

С началом проникновения дискурса десталинизации в Восточную Германию общество охватила эпидемия слухов. Можно сказать, что слухи стали мотором процесса десталинизации в ГДР. В них население искало ответы на причины столь внезапного дистанцирования СЕПГ от культа Сталина, пытались компенсировать дефицит имеющейся у них информации и смоделировать возможные сценарии будущего. Например, народная молва передавала ложную информацию о якобы официальном запрете читать и хранить произведения Сталина. Данные догадки базировались на слухах о некоем распоряжении Н. А. Булганина уничтожить все сталинские книги и портреты, переработать в макулатуру все произведения вождя (*Stimmung zur Veröffentlichung... 1956: 24, 125*). Следствием таких слухов стал кризис сбыта сталинских произведений в розничной и оптовой торговле, поставивший книжные издательства на грань банкротства (*Neue... 1956: 42*). Продавцы книжных магазинов отмечали резкий спад и без того малого спроса на произведения Сталина, указывая на необходимость их полного изъятия из торгового оборота (*Stimmung zur Veröffentlichung... 1956: 23*). Кроме того, повсеместно стали фиксироваться случаи сдачи произведений вождя в макулатуру и даже их сожжения (*BStU... n.d.: 156*). В слухах о десталинизации прогнозировались изменения культурно-символического ландшафта Восточной Германии. Так, среди жителей Сталинштадта курсировали разговоры о скором переименовании города и удалении всех табличек с именем советского лидера (*Ibid.: 140*). В одном из ресторанов района Лихтенберг в Берлине собеседники, анализируя изменения политического курса, предрекали переименование Аллеи Сталина в Аллею Ульбрихта или Аллею Хрущева (*Ibid.: 81*).

Отчеты Штази с тревогой описывали топографию «распространения вражеских слухов»: железнодорожные вокзалы, поезда и общественный транспорт, отели и рестораны, магазины и очереди, то есть места массового и анонимного скопления людей. Особенно в домохозяйках, домработницах и пенсионерах власть видела главные источники распространения слухов, сеявших панику и недоверие к режиму. Уличные слухи о далеко идущих последствиях десталинизации суммировал в своем высказывании пенсионер из Лауша округа Нойхауз. Он рассказывал жителям дома услышанные в магазине новости о скором освобождении политических заключенных и снятии изображений вождя в Лейпциге (BStU... n.d.: 155). Домохозяйки из округов Бранденбург, Науэн, Прицвальк судачили о повальной практике снятия сталинских портретов, об отмене дней памяти в честь вождя в СССР и о посмертном приговоре к казни за установление культа личности (*Ibid.*: 95). Эти слухи стали результатом наблюдения населением ГДР семантических изменений в публичном пространстве: внезапного и сначала мало кем объясняемого исчезновения портретов и плакатов Сталина из административных зданий, с площадей и улиц городов.

Слухи в совокупности с наблюдениями изменений репрезентаций власти в публичных местах стали для населения первыми весточками десталинизации. Они дали начало новой волне иконоборчества, ставшего одной из самых популярных реакций на ревизию культа личности в виде зачистки публичного пространства от официальной иконографии режима. Дискуссии о снятии портретов Сталина, Ульбрихта, Пика и Гротевоя (*Neue...* 1956: 39–40) наряду с инициативами по уничтожению бюстов советского диктатора приобрели массовый характер (*Die Stimmung...* 1956: 75–76). Во время собраний население пыталось выяснить изменение норм обращения с портретами, плакатами и бюстами вождей, превратившимися неожиданно для многих в опальные символы власти. Например, в статистической службе Зондерсхаузена сотрудники задавали руководству такой вопрос: «Что надо делать с плакатами Сталина, которые мы обязаны покупать и вывешивать у себя дома? По этому вопросу необходимо дать централизованное указание, чтобы на нас не смотрели косо, когда мы снимем сталинские портреты и повесим другие» (*Stimmung zur Veröffentlichung...* 1956: 23). На одном из собраний инженер поинтересовался у президиума,

долго ли будет находиться в зале столовой «гипсовая голова преступника» (AdsD, SPD-PV-Ostbüro 0322 II, unpag). А служащие магистрата Карл-Маркс-Штадта дискутировали об абсурдности публичного использования «изображения четырех голов – Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина» (BStU... n.d.: 129). Один из технических служащих в городе Ростоке назвал вывешивание портретов государственных лидеров проявлением культа личности. Он предлагал решительно бороться с данной практикой и покончить с ней раз и навсегда (Neue... 1956: 39).

Вскоре население от дискуссий переходит к действиям. Иконоборчество приобретает более радикальный характер и охватывает всю Восточную Германию. Например, на призыв одной из служащих администрации округа Зоннеберг в Зуле уничтожить все изображения Сталина коллеги ответили демонстративным снятием портретов Пика, Гротевоя и Ульбрихта (Hetze... 1956: 104). Из округа Потсдам пришло сообщение, что сотрудник администрации снял со стены портрет Сталина с замечанием, что «ему нечего здесь больше делать» (Neue... 1956: 39–40). В центральной школе города Штернберга округа Шверин во многих учебниках по русскому языку изображение Сталина оказалось вырезанным или частично зарисованным решетками (Stimmung zum XX... 1956: 61).

В других случаях реакции учителей и школьников были еще более смелыми. Например, в школе города Рюдерсдорфа округа Фюрстенвальде после собрания учителей портрет «вождя» был обнаружен в корзине для бумаг (BStU... n.d.: 156). На сталелитейном предприятии Максхютте изображение Сталина было разорвано на клочки, а оставшийся портрет приколот гвоздями к трибуне для ораторов (Stimmung zum XX... 1956: 61). На предприятиях Геры споры о культе личности приобрели настолько острый характер, что руководство ССНМ дало указание перенести венки, возложенные к бюсту советского лидера в парке имени Сталина, к другим мемориалам, заменив ленточки-посвящения (*Ibid.*: 85). Таким образом, эскалация иконоборческих практик наиболее ярко обнажила кризис репрезентаций власти. Символы и предметы культа личности, призванные до 1956 г. служить целям визуализации, легитимации и укрепления режима, становились центральной мишенью выражения народной агрессии и наиболее уязвимым местом всей политической системы.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в популярном дискурсе десталинизации происходит отделение фигуры Ленина от персоны Сталина. В нем Ленин наделяется положительными качествами, одновременно вся вина за культ личности приписывается исключительно Сталину. Одна из домработниц берлинского врача раскритиковала Сталина, выстраивая свои аргументы по защите истинного вождя – Ленина – следующим образом: «Сталин был большой свиньей. Во время болезни Ленина он лишил его возможности участвовать в партийной жизни, запретил многие произведения, которые до сих пор остаются неопубликованными. Только благодаря этому он взмог на вершину государственного аппарата и стал первым секретарем партии» (BStU... n.d.: 74). О символическом разрушении пропагандистского нарратива о двух вождях Октябрьской революции свидетельствовали слухи, в которых артикулировалось ожидание выноса тела Сталина из сакральной зоны коммунизма – Мавзолея Ленина (Stimmung zur Veröffentlichung... 1956: 1, 23; см. также: Из справки... 2002).

Более того, в популярном дискурсе десталинизации предпринималась попытка полного отречения от советских вождей: как Сталина, так и Ленина. Население высказывало мнения о том, что при построении социализма в ГДР необходимо вернуться на теоретические основы марксизма как истинно немецкого учения, учитывающего потребности и интересы немецкого народа (BStU... n.d.: 142). Подобные дискуссии хорошо отражены в используемых в настоящей работе источниках. Например, студент Клаус Прибе в разговоре с сокурсниками утверждал: «Ленин был таким же диктатором, как и Сталин, который фальсифицировал учение Маркса и Энгельса о строительстве социализма точно таким же образом, как и Сталин. Именно Ленин был тем, кто подготовил восхождение Сталина <...> Если мы искренне заботимся о построении социализма, тогда мы должны возвратиться назад и начать там, где закончил Маркс» (Veterinär-Medizinische... 1956: unpag).

Новой вехой в динамике процесса десталинизации стали народные восстания в Польше и Венгрии осенью 1956 г. Реакции на них в ГДР характеризуются двумя особенностями: новым витком оппозиционной активности населения, с одной стороны, и одновременным переходом государства к политике «закручивания гаек»: ограничению свободы слова и преследованию инакомысля-

щих – с другой. Западные массмедиа информировали восточных немцев о динамике и результатах народных протестов на периферии советской империи. Например, РИАС распространяла информацию, что под нажимом восстания в Польше была проведена всеобщая амнистия польских коммунистов и освобождено 30 тыс. заключенных (*Feindpropaganda zu den Problemen...* 1956: 84). В качестве противоположного примера приводились цифры: «20 тыс. невинных жертв сталинской юстиции в ГДР, которые до сих пор находятся в тюремном заключении» (*Ibid.*: 86). В данном случае резкой критике подверглась министр юстиции Х. Беньямин, прозванная в народе «Красная гильотина». Она публично отказалась признать ошибки своего аппарата в осуждении невинных людей и отвергла десталинизацию как повод к либерализации политического порядка⁸.

Восстание в Венгрии способствовало радикализации антирусских настроений. Прежде всего кровавые методы расправы с повстанцами пробудили воспоминания о советских танках на улицах Восточного Берлина в июне 1953 г. Так, в округе Гримма распространялись слухи о прибытии в Германию подразделений советских вооруженных сил. Среди населения курсировали разговоры об опасности выходить из дома в вечерние часы, так как со стороны советских солдат участились случаи разбоя и домогательства по отношению к женщинам (*SAPMO-BArch, DY 30/IV 2/5/282*: 439). Подобные слухи наряду с разговорами о нарушении поставок продуктов питания из Восточной Европы сеяли панику, приводя к скупке товаров первой необходимости и пустоте улиц в вечернее время (*Situationsbericht...* 1956: unpag). Данные обстоятельства подпитывали чувство ненависти к русским. Так, студенты университетов требовали отмены изучения русского языка в качестве обязательного предмета (*Stimmungsbericht aus Berlin...* 1956: unpag). А на вагонах, перевозивших немецкие товары в Советский Союз, делались надписи: «Свобода для Венгрии!» и «Иван, прочь!» (*AdsD, SPD-PV-Ostbüro, 0361 IV*: unpag).

Немецкое общество демонстрировало солидарность с венгерским народом не с помощью открытого протеста, а через комплекс

---

⁸ Тем не менее к осени 1956 г. около 21 тыс. политических заключенных вышли на свободу, сотни жертв режима СЕПГ были реабилитированы (см.: Kowalczyk 2006: 25).

непрямых, или символических, практик выражения несогласия. Так, к негласному, но всеми однозначно распознаваемому жесту солидарности с венгерским народом относился выход из Общества германо-советской дружбы и отказ уплачивать членские взносы в прочих массовых организациях. На заводе в Людвигсфельде рабочие единодушно проигнорировали участие в лотерее, в которой разыгрывалось путешествие в Советский Союз (*Stimmung im... 1956: unpag*). Повсюду на публичных собраниях референтам задавался вопрос о том, по какому праву СССР вторгся в Венгрию (*SAPMO-BArch, DY 30/IV 2/5/282: 366*). Эхо венгерского протеста в ГДР привело к новой постановке вопроса об отставке правительства и прежде всего В. Ульбрихта⁹. Первый секретарь ЦК СЕПГ обвинялся в замалчивании ошибок Сталина, о которых не мог не знать во время проживания в политэмиграции в московской гостинице «Люкс». Данное обстоятельство легло в основу политической конфронтации Ульбрихта с К. Ширдеваном, развернувшейся в Политбюро ЦК СЕПГ после XX съезда КПСС и закончившейся поражением последнего¹⁰.

Как уже отмечалось выше, Венгерское восстание положило конец тем либеральным тенденциям, которые принесла с собой десталинизация в ГДР. Режим СЕПГ перешел к более жесткому контролю над публичным дискурсом и вновь приступил к репрессивной политике исключения инакомыслящих. Так, в октябре 1956 г. по Восточной Германии прокатилась волна арестов среди интеллектуалов и студентов, оказавшихся жертвами сфабрикованных обвинений (*Ansorg 1997: 152–153; Kowalczyk 2006: 28–29*). Одновременно наблюдалось расширение полномочий органов полиции и Штази. Серия показательных судебных процессов над «нарушителями общественного порядка» и «врагами народа» должна была снова приучить население к жестко ритуализированному использованию языка государства и партии. Чуть позже, 20 ноября 1956 г., Политбюро ЦК СЕПГ принимает постановление о подавлении всех вражеских вылазок и провокационных групп в университетах, за которым последовали аресты студентов в Лейпциге и Йене, Дрездене и Берлине.

⁹ О реакции населения ГДР на восстание в Венгрии см.: *Granville 2006: 478–480*.

¹⁰ В январе 1958 г. К. Ширдеван был исключен из ЦК СЕПГ (см.: *Foitzik 1995: 80*). О динамике внутрипартийного противостояния Ульбрихта и Ширдевана см.: *Granville 2006*.

Несмотря на репрессивный финал десталинизации в Восточной Германии, стоит отметить и ее важный терапевтический эффект для послевоенного немецкого общества. Ситуация хаоса в дискурсивном порядке диктатуры позволила населению впервые нарушить предписанное государством молчание и открыто заговорить о наболевших проблемах. Так, с пересмотром имиджа Сталина вновь на повестке дня оказался болезненный для немцев территориальный вопрос о восточной границе по Одере и Нейсе. Установление германо-польской границы после Второй мировой войны, повлекшее за собой массовые выселения немецкого населения из Силезии, оставило в памяти жителей приграничных областей глубокую травму. Однако до 1956 г. данная тема, хотя порой и очень робко поднималась, оставалась риторическим табу. Лишь после XX съезда КПСС в приграничных с Польшей районах были зафиксированы открытые призывы к пересмотру границы, которая в новых условиях стала называться не иначе как «очередная ошибка сталинской национальной политики» (Neue... 1956: 38). В округах Котбуса и Франкфурта-на-Одере распространялись разговоры, в которых «установление границы по Одере и Нейсе имело своей целью окончательно поссорить поляков и немцев и создать новый очаг постоянных раздоров в Восточной Европе» (Из справки... 2002: 650).

Более того, десталинизация использовалась населением для примирения с собственным прошлым, что вело к преодолению навязываемого советской пропагандой чувства вины и стыда за преступления нацистов в ходе Второй мировой войны. Критика культа Сталина позволила немцам по-новому взглянуть на собственный опыт культа Гитлера и подвергнуть сомнению навешиваемый ярлык «немецкой предрасположенности» к культу вождей. «Нас, немцев, упрекают, что мы участвовали в отправлении культа Гитлера, а ведь советские люди сами делали тоже самое со Сталиным», – рассуждал студент в одном из разговоров с сокурсниками (Stimmung zur Veröffentlichung... 1956: 24). Также рост антирусских настроений позволил бывшим в советском плену немцам, возвратившимся в Восточную Германию с ярлыком «военный преступник», впервые нарушить политику официального молчания и открыто поделиться своими воспоминаниями о пребывании в

СССР (Stimmungsbericht aus Brikettfabrik... 1956: unpag; Morina 2004). Таким образом, официальная ревизия имиджа Сталина сделала возможным начало коллективной эмоциональной работы с травматическим опытом немцев, опытом депортаций, насилия и территориальных потерь.

Литература

Аксютин, Ю. В. 2010. *Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг.* М.: РОССПЭН.

Волокитина, Т. В. (ред.). 2002. Советский фактор в Восточной Европе: 1944–1953 гг.: документы: в 2 т. Т. 2. 1949–1953 гг. М.: РОССПЭН.

Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. М.: РОССПЭН, 2002.

Информационное письмо корреспондента газеты «Правда» в ГДР М. В. Подключникова в редакцию газеты о реакции в ГДР на сообщения о работе XX съезда КПСС. *Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы.* М.: РОССПЭН, 2002.

Из сопроводительного письма заместителя начальника 1-го управления КГБ при СМ СССР А. М. Сахаровского секретарю ЦК КПСС Б. Н. Пономареву о направлении в ЦК КПСС документов СДПГ. *Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы* (с. 705–709). М.: РОССПЭН, 2002.

Из справки консульства СССР во Франкфурте-на-Одере «Отклики населения округов Франкфурт-на-Одере и Коттбус на итоги XX съезда КПСС», 26 марта 1956 г. *Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы* (с. 650–653). М.: РОССПЭН, 2002.

Прокуменщиков, М. Ю. 2002. «Секретный» доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС и международное коммунистическое движение. *Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы* (с. 17–40). М.: РОССПЭН, 2002.

Тихомиров, А. А. 2014. *Лучший друг немецкого народа: культ Сталина в Восточной Германии (1945–1961 гг.)*. М.: РОССПЭН.

Хрущев, Н. С. 1989. О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н. С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля 1956 года. *Известия ЦК КПСС* 3: 128–170.

AdsD, SPD-PV-Ostbüro 0322 II.

Ansorg, L. 1997. *Kinder im Klassenkampf: die Geschichte der Pionierorganisation von 1948 bis Ende der fünfziger Jahre*. Berlin: Akademie Verlag.

Anti-Stalin-Kurs. Berlin. 02.05.1956. *AdsD, SPD-PV-Ostbüro* 0257 II.

Antwort auf Fragen auf der Berliner Bezirksdelegiertenkonferenz der SED, 1956. *Neues Deutschland* 67 (18.03): 3.

BStU, *ZS MfS-AS Nr.* 216/56.

Die Stimmung der Bevölkerung zum XX. Parteitag der KPdSU. 26.05.1956. *BStU, ZS MfS-AS Nr.* 216/56.

Feindpropaganda zum XX. Parteitag der KPdSU. *BStU, AS BVfS Leipzig* 815/01.

Feindpropaganda zu den Problemen des XX. Parteitages der KPdSU und der III. Parteikonferenz der SED. Berlin. 22.05.1956. *BStU, ZS MfS-AS Nr.* 89/59.

Filtzer, D. A. 1993. *The Khrushchev Era: De-Stalinisation and the Limits of Reform in the USSR, 1953–1964*. London: Palgrave.

Foitzik, J. 1995. Die parteiinterne Behandlung der Geheimrede Chruschtschows auf dem XX. Parteitag der KPdSU durch die SED, die PVAP und die KPTsch. In Kircheisen, I. (Hrsg.), *Tauwetter ohne Frühling: das Jahr 1956 im Spiegel blockinternen Wandlungen und internationaler Krisen* (S. 60–83). Berlin: Berliner Debatte/GFSP.

Gabert von J., Prieß, L. 1990. Telegramm Walter Ulbrichts an das Präsidium des ZK der KPdSU – N.S. Chruschtschow vom 19.03.1956. *SED und Stalinismus: Dokumente aus dem Jahre 1956*. Berlin: Dietz. S. 91.

Granville, J. 2006. Ulbricht in October 1956: Survival of the Spitzbart during Destalinization. *Journal of Contemporary History* 3 (41): 477–502.

Hegedüs, A. B., Wilke, M. 2000. *Satelliten nach Stalins Tod: Der "Neue Kurs". 17. Juni 1943 in der DDR. Ungarische Revolution 1956 (Studien des Forschungsverbundes SED-Staat an der Freien Universität Berlin)*. Berlin: Akademie-Verlag.

Hetze gegen den Genossen W. Ulbricht und andere. Berlin, den 25.4.1956. *BStU, ZS MfS-AS Nr.* 89/59.

Informationsbericht "Die Lage und Stimmung in den Industrie- und Verkehrsbetrieben in Potsdam", 27.2.1956. *BStU, ZS MfS-AS Nr.* 216/56.

Information Nr. 90/56. *BStU, ZS MfS-AS* Nr. 216/56.

Jones, P.

2003. From Stalinism to Post-Stalinism. De-Mythologising Stalin, 1953–1956. In Shukman, H. (ed.), *Redefining Stalinism* (pp. 127–145). London: Frank Cass.

(Ed.) 2009. *The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era*. New York: Routledge.

Klein, A. 1995. Zwischen Entstalinisierung und neostalinistischer Erstarung: Die SED – Parteiorganisation Halle nach dem XX. Parteitag der KPdSU (eine Fallstudie). In Kircheisen, I. (Hrsg.), *Tauwetter ohne Fruehling* (S. 113–125). Berlin: Berliner Debatte, GSFP – Ges. für sozialwiss. Forschung und Publizistik mbH.

Kowalczyk, I.-S. 2006. Zwischen Hoffnungen und Krisen: Das Jahr 1956 und seine Rückwirkungen auf die DDR. *Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung* (S. 15–33). Berlin: Aufbau Verlag Berlin.

Loewenstein, K. E. 2006. Re-Emergence of Public Opinion in the Soviet Union: Khrushchev and Responses to the Secret Speech. *Europe-Asia Studies* 8(58): 1329–1345.

Morina, C. 2004. Instructed Silence, Constructed Memory: The SED and the Return of German Prisoner of War as “War Criminals” from the Soviet Union to East Germany, 1950–1956. *Contemporary European History* 3(13): 323–343.

Neue Argumente zum XX. Parteitag der KPdSU (5 Bericht). Berlin, den 14.03.1956. *BStU, ZS MfS-AS*, Nr. 216/56.

Protokoll 26. ZK-Tagung vom 1956.03.22. SAPMO-BArch, DY 30/IV2/1/156.

SAPMO-BArch, DY 30/IV 2/5/282.

Situationsbericht aus Leipzig. Berlin. 15.11.1956. *AdsD, SPD-PV-Ostbüro* 0361 IV.

Stimmung im Industrie-Werk Ludwigsfelde. 18.11.1956. *AdsD, SPD-PV-Ostbüro* 0257/II.

Stimmungsbericht aus Berlin – Leipzig – Böhlen, den 5.11.56. *AdsD, SPD-PV-Ostbüro* 0361 IV.

Stimmungsbericht aus Brikettfabrik Senftenberg. Berlin, den 12.11.1956. *AdsD, SPD-PV-Ostbüro* 0361 IV.

Stimmung zur Veröffentlichung des Genossen Walter Ulbricht über den XX. Parteitag der KPdSU (2. Bericht). Berlin, den 8.3.1956. BStU, ZS MfS-AS, Nr. 216/56.

Stimmung zum XX. Parteitag der KPdSU (6 Bericht). Berlin, den 23.03.1956. BStU, ZS MfS-AS, Nr. 216/56.

Ulbricht, W. 1956. Über den XX. Parteitag der Kommunistischen Partei der Sowjetunion. *Neues Deutschland* 55 (04.03): 3–4.

Veterinär-Medizinische Fakultät der Humboldt-Universität. Berlin, den 8.4.1956. *AdsD, SPD-PV-Ostbüro 0383 O*.

Zubkova, E. 1998. *Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957*. New York: Armonk.

III. Parteikonferenz der SED (2 Bericht). Berlin, den 24.3.1956. BStU, ZS MfS-AS, Nr. 89/59.